

Плач и ругань Ли Гуйсян продолжались далеко за полночь. Она перебудила несколько соседних домов, но из-за того, что обычно разговаривала с людьми язвительно и колко, никто не захотел вмешиваться в дела её семьи. Соседи предпочли лежать без сна, лишь бы не идти к ней выяснять, что случилось.

Зато уже на следующее утро история разлетелась по всему переулку.

Чжан Бэйтин как раз закончил комплекс «Восемь кусков парчи», когда у ворот послышался голос Мяо Фэнхуа:

— Бэйтин дома?

— Тётушка, что-то случилось в такую рань? — Он взял приготовленное полотенце и вытер лицо.

После нескольких утренних тренировок подряд тело заметно окрепло: теперь к концу комплекса на коже уже выступал лёгкий пот.

Мяо Фэнхуа вошла во двор всего на несколько шагов и остановилась.

— Утром покупатели рассказывали: Ли Гуйсян полночи плакала и ругалась дома, а под конец принялась ещё и тебя проклинять. В ближайшие дни будь с ней осторожнее.

Она жила по соседству и когда-то хорошо ладила с матерью Чжан Бэйтина, поэтому лучше многих знала, откуда у Ли Гуйсян такая зависть к их семье.

Что именно на ту снова нашло, Мяо Фэнхуа не понимала. Но лучше предупредить Бэйтина заранее, чтобы он был готов.

— Спасибо, тётушка. Я буду осторожен.

— Хорошо. Тогда занимайся своими делами, а я пойду.

Сун Яньцин слышал разговор из кухни и немного встревожился.

— Она ведь не придёт требовать, чтобы мы вернули ей деньги?

Он уже встречал людей, с которыми невозможно рассуждать по-человечески. На одной улице с семьёй Сун жила старуха Чжан: её собственный внук украл у соседей еду и объелся так, что заболел животом, а старуха после этого привела мальчишку к тем соседям, уселась у них в доме и силой вытребовала деньги на лекарство.

— Не волнуйся, ничего не случится, — успокоил его Чжан Бэйтин.

Подумав, он добавил:

— Только сегодня холодную лапшу пока продавать не будем.

Сун Яньцин посмотрел на него взглядом, в котором прямо читалось: «Ты же только что сказал, что ничего не случится?»

Чжан Бэйтин рассмеялся и с совершенно невозмутимым видом заявил:

— Новое блюдо тоже надо выставлять в подходящий день. А мне кажется, подходящий день — завтра.

Сун Яньцин не выдержал и улыбнулся. Напряжение на его лице заметно ослабло.

Как обычно, они приготовили бинфэнь и к концу часа Шэнь точно вовремя отправились торговать.

С каждым днём становилось всё жарче, на площадь приходило всё больше людей спастись от зноя, и покупателей у их прилавка, как прежде, хватало.

С самого открытия Чжан Бэйтин не переставая разливал бинфэнь. Он почти не поднимал головы, разве что когда передавал миску очередному покупателю.

И вдруг над прилавком раздался удивлённый голос:

— Брат Чжан! Так вот чей бинфэнь все так хвалят — оказывается, твой!

Чжан Бэйтин перебрал воспоминания прежнего владельца тела, но так и не вспомнил этого человека. Судя по одежде троих мужчин и конфуцианским головным платкам, двое из них, вероятно, когда-то учились вместе с прежним Бэйтином в Юньяне, а третий был наставником.

— Да, наш, — улыбнулся он. — Какие добавки любишь? Положу побольше.

— Не надо, не надо! Как всем остальным, — ученик смутился от такой приветливости.

Когда Чжан Бэйтин накладывал бинфэнь старшему мужчине, он слегка нахмурился. Даже если прежний владелец тела не был близок с однокашниками, странно было совсем не помнить собственного наставника.

— Это наставник Лоу Цзычу. Он пришёл в Академию Яншань два года назад, — пояснил тот же молодой человек.

К тому времени прежний Чжан Бэйтин уже покинул Академию Яншань, так что Лоу Цзычу фактически его наставником не был. К тому же в руках у Бэйтина оставалась миска с бинфэнем, поэтому он не стал совершать полноценный ученический поклон и лишь кивнул в знак приветствия.

Разговор с троицей немного задержал очередь, и следующие несколько порций Чжан Бэйтин стал накладывать быстрее.

Но вскоре привычный ритм снова нарушил шум.

Ли Гуйсян протиснулась сквозь толпу к самому прилавку, плюхнулась на землю, хлопнула себя по бёдрам и завывала:

— Чжан Бэйтин! Верни мои деньги!

Он ожидал чего-то подобного, но от её слов и поведения всё равно потерял дар речи.

— Если хочешь, чтобы я вернул деньги, сначала объясни: когда это я у тебя их занимал?

Почти все покупатели жили неподалёку и были знакомы между собой. Толпа тут же зашушукалась.

— Опять она. Небось одна уловка не сработала, придумала другую и снова пришла портить торговлю.

— Ха, я немного слышал об отношениях этих семей. С чего бы Чжан Бэйтину занимать у неё деньги?

— Я... я не говорю, что он занимал! — всхлипывала Ли Гуйсян. — Он нас обманул! Из-за него мой муж потратил больше трёхсот взней! Я эти деньги по одному баоцзы копила!

— Несколько дней назад вы с мужем приходили к нам извиняться, но я и пары фраз с ним не сказал, — с искренним недоумением ответил Чжан Бэйтин. — Как я мог выманить у него деньги? Может, он потратил их где-то ещё и теперь боится признаться тебе, вот и свалил вину на меня?

Многие в толпе согласно закивали. Мужчины и правда порой тратили деньги там, о чём дома лучше было не рассказывать, а потом выдумывали, будто кошель потеряли или их обманули.

Ли Гуйсян увидела реакцию людей, перепугалась и выпалила, не думая:

— Именно ты его обманул! Ты сказал, что это ингредиенты для бинфэня, и он купил то же самое, что и ты!

По толпе прокатилась волна возгласов.

А они-то гадали, с чего это образованный Чжан вдруг стал кого-то обманывать. Оказалось, кто-то хотел украсть чужой рецепт, да сам и попался.

Раз уж тайна вырвалась наружу, Ли Гуйсян решила идти до конца. Она так и сидела на земле и скандалила:

— Ты заставил нас потерять больше трёхсот вэней! Не вернёшь — и торговать я тебе не дам!

Чжан Бэйтин, разумеется, не собирался ей уступать.

Если хоть раз пойти на поводу у таких наглецов, они лишь потребуют больше.

Да и он не был человеком, которого можно безнаказанно помыкать.

Его голос похолодел:

— Если сейчас же не уйдёшь, я вернусь домой, напишу жалобу и подам её в ямэнь. Пусть господин правитель рассудит, кто из нас прав.

Кто-то из толпы громко заметил:

— Точно! Чжан сам учёный человек, ему даже писца для жалобы нанимать не надо.

— А ещё у него статус сюоя: в ямэне он может не становиться на колени. А вот эту женщину, говорят, прежде чем начать разбирательство, сначала десять раз доской отшлёпают.

Говоривший даже не пытался понизить голос. Ли Гуйсян тут же невольно сжала ягодицы.

— Сяо Ваньцин, сходи прямо сейчас в ямэнь и пригласи сюда двух стражников, — произнёс Лоу Цзычу, сложив руки за спиной. Он стоял впереди толпы. — В Да Цзин порядок и чистые нравы. Разве можно позволять людям устраивать такие бесчинства?

Ли Гуйсян перестала плакать.

В её понимании мира — сначала деревня, потом торговая улица Южного квартала — всё всегда было просто: у кого родни больше и кто наглее, тот и получит выгоду.

Она никак не могла понять, почему вдруг дело дошло до ямэня.

— Да, наставник. Я сейчас же позову стражников, — Сяо Ваньцин, тот самый ученик, который первым заговорил с Чжан Бэйтином, поклонился Лоу Цзычу.

— Не надо! Не ходи! Деньги мне больше не нужны!

Ли Гуйсян вскочила с земли и, даже не отряхнув одежду, бросилась прочь.

Перед страхом получить десять ударов доской, а то и угодить в тюрьму, триста с лишним вэней вдруг показались совсем неважными.

Чжан Бэйтин вытер руки и почтительно поклонился Лоу Цзычу.

— Благодарю, господин Лоу.

— Не стоит, — ответил тот. — Даже встретив такое в другом месте, я поступил бы так же.

По дороге обратно Лоу Цзычу наставлял двух учеников:

— Выпускники нашей Академии Цинъян не должны проходить мимо подобных вещей. Если можете помочь — нельзя оставаться безучастными.

Сяо Ваньцин серьёзно ответил, что запомнил.

Другой ученик тихо произнёс:

— Кажется, я уже видел эту женщину.

— Вот как? — Лоу Цзычу нахмурился.

— По-моему, она мать нашего соученика Чжан Чанлиня.

Сун Яньцин обрадовался, увидев, как Ли Гуйсян в страхе убежала. Вечером он даже съел

больше обычного.

Наверное, теперь, прежде чем снова искать им неприятностей, её семья хотя бы дважды подумает.

Но оказалось, что впереди ждала новость ещё приятнее.

На следующее утро прошёл дождь. Рассвело поздно, супруги тоже поднялись позже обычного и только закончили завтрак, когда во двор вбежал Хэ Хай. Он прикрывал голову рукой от ещё не прекратившейся мелкой мороси, а лицо сияло.

— Похоже, Ли Гуйсян с семьёй теперь вообще больше не посмеют к вам лезть!

У Чжан Бэйтина шевельнулась догадка.

— Что произошло?

— Утром покупатели рассказывали. Её младший сын Чжан Чанлин только вчера вечером вернулся в академию, а сегодня едва рассвело — снова прибежал домой, промокший до нитки. Вошёл и сразу бухнулся на колени перед Чжан Пином и Ли Гуйсян. Умолял их больше не искать неприятностей.

— А? — удивился Сун Яньцин и посмотрел на Чжан Бэйтина.

Хэ Хай продолжал:

— Говорят, после возвращения в академию наставник долго отчитывал его при других учениках. А в конце велел идти домой и приструнить родителей. Иначе, даже если однажды Чанлин сдаст экзамены с высшим результатом, он всё равно недостоин будет служить чиновником.

Хэ Хай дважды довольно хмыкнул.

— Чжан Чанлин у них с Чжан Пином — свет в окошке и единственная надежда. Теперь, прежде чем снова сделать гадость, им придётся подумать, хотят они погубить его будущее или нет.

Он искренне радовался:

— Всё, теперь можно не бояться, что они станут пакостить!

Хэ Хай просто был счастлив за супругов, но некоторые, услышав эту историю, задумались куда

глубже.

Почему Чжан Пин отправился следить за Чжан Бэйтином именно накануне очередного дня отдыха в академии и именно тогда потратил больше трёхсот вэней на «такие же лекарства»? И почему, когда Ли Гуйсян пришла устраивать скандал, возле прилавка совершенно случайно оказались люди из Академии Цинъян?

Неужели всё это и правда совпадение?

Мало кто верил.

Даже Сун Яньцин спросил с сомнением:

— Ты знал, что там окажется наставник из академии?

Чжан Бэйтин покачал головой.

— Нет. Изначально я лишь рассчитывал, что в день отдыха Чжан Чанлин будет дома. Если он сумеет приструнить родителей — тем лучше.

Но люди продолжали строить всё более невероятные догадки. В результате ещё очень долго, как бы ни завидовали успешной торговле Чжан Бэйтина, желающих покуситься на его рецепты больше не находилось.

Впрочем, это уже случится позже.

Когда Хэ Хай ушёл, Сун Яньцин радостно спросил:

— Сколько холодной лапши приготовим сегодня?

Теперь никто не собирался мешать их торговле. А лапша была такой вкусной, что, по мнению Яньцина, покупателей должно было найтись немало.

— Сначала сделаем бинфэнь, — ответил Чжан Бэйтин. — А для лапши возьмём пять цзиней муки.

Бинфэнь не так легко портился: его можно было приготовить с утра, опустить в колодезную воду и держать там до вечера — чем дольше охлаждался, тем приятнее становился.

А лапшу лучше сварить и остудить перед самым выходом, чтобы она оставалась свежей.

В первый день Чжан Бэйтин не хотел готовить слишком много. Из пяти цзиней муки выходило примерно двадцать пять мисок.

Для пробы — в самый раз.

<http://bllate.org/book/20100/1989983>